

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 330

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В.А. ПЛОТНИКОВ

*Юго-Западный
государственный
университет,
г. Курск*

*e-mail:
plotnikov_2000@mail.ru*

Современный системный кризис капиталистической (рыночной) модели хозяйствования может привести к серьезным сдвигам в направлении дальнейшей трансформации господствующей теоретической хозяйственной модели, активизации переходных процессов к новой, информационной экономике. В статье, на основе экономического анализа положений монографии Барда А. и Зодерквиста Я. «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма», предлагается авторское видение перспективных механизмов формирования и развития экономики информационного общества. Изучив материалы книги шведских авторов, попытавшись с позиций сугубо экономических проанализировать их идеи, автор пришел к некоторым выводам, которые могут быть полезны при разработке теоретических концепций информационного общества, в части объяснения его экономических механизмов.

Ключевые слова: информационное общество, постиндустриальное общество, экономика знаний, трансформация экономической модели, массовые коммуникации, инновационная экономика.

Введение. Острейшие проблемы преодоления последствий мирового финансово-экономического кризиса, принявшего системный характер, отодвинули на второй план экономико-теоретическую дискуссию, связанную с формированием основ новой модели экономики, перехода к информационному обществу (также в современной литературе используются термины: информационная экономика, экономика знаний, постиндустриальное общество, информационно-сетевая экономика, «новая» экономика и др.). Между тем, эта проблематика в последние десятилетия находится в центре внимания многих отечественных и зарубежных исследователей [1, 2, 3]. Не обойдена эта тема и вниманием автора данной статьи [4, 5, 6] и его учеников [7, 8]. На наш взгляд, современный системный кризис капиталистической (рыночной) модели хозяйствования может привести к серьезным сдвигам в направлении дальнейшей трансформации господствующей теоретической хозяйственной модели, активизации переходных процессов к новой, информационной экономике. Бурное развитие на рубеже 20-21 веков Интернета создает предпосылки для такого рода сдвигов, т.к. уже создана техническая среда для осуществления мгновенных коммуникаций в глобальном масштабе, что приводит к качественным изменениям в бизнесе по всему миру. В этой связи интерес представляет анализ результатов исследований шведских специалистов Барда А. и Зодерквиста Я. [9], сделавших попытку описать специфику информационного общества и эволюционный механизм формирования его элементов. Следует отметить, что авторы указанной книги – профессиональные журналисты, которые излагают свое видение процессов перехода к информационному обществу, излагая свою позицию скорее с философской, социологической и политологической, нежели экономической точки зрения.

С одной стороны, это дает возможность более широкого охвата проблематики. Ведь и в су-
 губо экономических работах чаще принято говорить об «информационном обществе», а не об
 «информационной экономике». С другой – это делает экономическую составляющую анализа
 «расплывчатой» и несколько уязвимой для критики. Предмет данной статьи – разбор именно эко-
 номических аспектов анализа, проведенного Бардом А. и Зодерквистом Я. Наша задача состоит не
 в том, чтобы изложить собственную целостную концепцию экономики информационного обще-
 ства, а в том, чтобы критически оценить взгляды шведских авторов, попытавшись выявить в них
 оригинальные научно обоснованные суждения и отклонить те позиции, которые не выдерживают
 научной проверки. Надеемся, что наш анализ указанной монографии шведских специалистов, рас-
 сматриваемый в контексте дискуссии относительно путей и направлений формирования инфор-
 мационного общества, будет способствовать лучшему пониманию хозяйственного механизма этой
 новой перспективной модели социальной организации. Наше рассмотрение проведем в формате
 краткого критического экономического обзора взглядов шведских авторов.

Критический анализ. Главная идея 1-й главы «*Технологии как движущая сила исто-
 рии*» вынесена в ее название. С ней можно согласиться. Она, кстати, хорошо коррелирует с кон-
 цепцией К. Маркса о соотношении базиса и надстройки. При этом справедливо обращается вни-
 мание на тот факт, что помимо объективного развития технологий важную роль в развитии имеет
 и их субъективное отражение в сознании людей. «Чем сложнее ситуация, тем больше догадок мы
 вынуждены строить, и тем больше доля вымысла в нашем восприятии реальности. Зависимость от
 собственных фантазий имеет порой драматические последствия не только для нас лично, но и для
 общества в целом», – указывают авторы. Основная идея их рассуждений – информация играет
 ключевую роль в развитии. Но при этом они считают, что есть не только прямое, но и обратное
 влияние информации на развитие, эволюцию общества, отмечая, что «наши мысли зависят от до-
 ступа к информации». То есть здесь опять же находит новое отражение известный марксистский
 принцип взаимодействия базиса и надстройки.

Можно согласиться с выделением ряда «информационных революций»: (1) появление
 языка; (2) изобретение письменности; (3) изобретение печатного станка; (4) появление электрон-
 ных средств связи и глобальных информационных сетей. Эти революции разбивают экономиче-
 скую историю человечества на ряд этапов: выделение из животного мира и начало хозяйственной
 деятельности; появление первых древних государств; переход к капитализму; развитие «новой
 экономики».

Глава 2 «*Феодализм, капитализм и информационное общество*». Здесь авторы исследуют
 эволюцию основных моделей организации общества и сопутствующих им экономических отноше-
 ний. В качестве ключевой парадигмы феодализма выделен Бог. Далее, «при переходе к капита-
 лизму прочная структура, поддерживающая понятие Бога, разрушилась. А когда главная ценность
 начала сдвигаться с места, все прочие основы существования, ранее казавшиеся незыблемыми,
 последовали за ней». Произошел переход к капитализму. Его наиболее выраженная форма – ин-
 дивидуализм.

Также интерес вызывает мысль, и с этим следует согласиться, что власть ассоциируется с
 распоряжением ключевыми ресурсами, а это – уже экономическая проблема. Причем указанные
 ресурсы последовательно изменяются по мере изменения моделей общественного устройства.
 «Как только стало ясно, что *право на землю* можно защищать с помощью законов и монополии
 дворянства на власть (фундаментальная основа феодализма), аристократия немедленно приобре-
 ла контроль над всеми землями... Примерно в том же духе буржуазия... все первые декады индус-
 триальной эпохи занималась безудержным грабежом своих стран и их колоний в поисках сырья и
 рабочей силы, заставляя людей работать на фабриках, как рабов, принося огромную прибыль...
 Также, как аристократия способствовала созданию самых важных легальных предпосылок для
 экспансии капитализма – *государственной защиты частной собственности*, так и все более
 маргинальная буржуазия будет использовать свой контроль над парламентской системой и поли-
 цию для легитимизации и защиты *важнейших компонентов в конструкции нетократической
 власти: патентов и авторских прав...* буржуазия и нетократия объединяют свои усилия для про-
 возглашения авторских прав в качестве средства спасения цивилизации». В указанном контексте
 становится понятным, что активно продвигаемая сегодня идея «священности» прав интеллекту-
 альной собственности – один из этапов создания новой модели экономики, присущей информери-
 онному обществу.

Глава 3 носит название «*Плюрархическое общество: смерть этатизма и кризис демо-
 кратии*». Эта глава посвящена трансформации роли государства в информационном обществе.
 Это, опять же, созвучно идеям марксизма. Но посыл другой, хотя результат тот же. Если у К. Марк-
 са и его последователей речь шла о том, что государство – аппарат насилия, который не нужен при

коммунизме, в бесклассовом обществе, то у шведских авторов государство исчезает из-за множественности стандартов социального поведения в сетевую эпоху и технической невозможности их контроля. То есть происходит отказ от иерархии, присущей феодализму и капитализму, в силу ее неэффективности по сравнению с сетевыми формами организации социума. Вместо глобального или национального правительства возникает сообщество сетей, а индивидуумы как бы перетекают между ними, подчиняясь или не подчиняясь принятой в них дисциплине.

Ключевой особенностью современного западного общества является его «общая медиализация», которая связывается с переходом к обществу информационному. «...С плюрализацией средств массовой информации – в основном, в результате роста рекламной индустрии, обращавшейся к большему числу специализированных рыночных сегментов – СМИ постепенно освободились от необходимости играть в соответствии с пропагандой этатизма. Средства массовой информации зажили своей собственной жизнью, формируя основание для новой властной структуры, и стали все больше приобретать характеристики парадигмы информационного общества и его правящего класса – нетократии». В результате политическая деятельность теряет ценность и влияние, а все больше является некоей постановочной игрой, спектаклем для масс, где верховодят СМИ. Центр принятия решений смещается в тень, к тем людям и властным (капиталистическим) группировкам, которые управляют средствами массовой информации и их политикой.

По мнению шведских авторов, в новом обществе не будет иерархии, а будет некая «плюрархия», отличающаяся сетевой организацией: «В виртуальном мире важны виртуальные общности, что означает необходимость конструирования новой системы участия в политическом процессе». Эта точка зрения вызывает много вопросов. Ведь она идеологически созвучна идее рынка совершенной конкуренции, который, как мы знаем, существует только в теории [10]. Для его эффективности необходим управляющий центр – государство. Так и здесь, сетевая форма организации не исключает наличия различных по иерархии сетей, одни из которых по отношению к другим занимают подчиненный характер. То есть, ключевой вопрос о механизме новой власти авторы обходят стороной.

Глава 4 «*Информация, пропаганда и индустрия развлечений*». Эта глава посвящена анализу развития теории информации. При этом обзорный анализ проводится в историческом контексте, от технико-математических к социально-экономическим концепциям. Справедливо указывается на то, что рост информатизации опровергает самоё себя. Вывод возможен и новый для гуманитариев, но хорошо известный инженерам. Недосток информации лучше его избытка, т.к. в случае недостатка можно что-то «додумать», избыток же создает «шум», с которым труднее работать. Отсюда авторами делается два вывода. Первый – СМИ – орудие в борьбе за власть и удержание власти (можно согласиться). Второй – класс нетократов будет обладать эксклюзивным знанием (а не информацией), а массы – развлекательным «информационным шумом». Причем генерировать и транслировать этот «шум» посредством СМИ будут именно нетократы, дабы сбить массы с толку, дезориентировать в обществе и не мешать править.

Глава 5 носит название «*Кураторы, нексиалисты и этерналисты. Нетократы и их взгляд на мир*». Здесь делается попытка структурного анализа нетократии как нового правящего класса информационного общества. Роли распределяются так: кураторы руководят сетями, нексиалисты организуют коммуникации внутри них и с внешними сетями, этерналисты генерируют новое знание. «Если сравнить эту структуру с капиталистической иерархией, можно заметить, что кураторы занимают место политиков, нексиалисты приходят на смену предпринимателям, а этерналисты заменяют ученых». Отметим, что в организации властной элиты просматривается не сетевой принцип, а иерархический, что противоречит предыдущим и последующим рассуждениям авторов.

В главе 6 «*Глобализация. Гибель СМИ и рост консьюмтариата*» затронута тема глобализации как переходной стадии к информационной экономике. При этом акцент делается на активнейшем развитии потребления. «Суть не в том, что производит низший класс, и производит ли вообще, а в том, что он потребляет, и что даже более важно, потребляет вообще. Пролетариат в информационном обществе, в первую очередь и прежде всего, предназначен для потребления, по нашей терминологии, становится консьюмтариатом. Его роль в производственных процессах вспомогательная, а процесс потребления продуктов производства регулируется свыше». Здесь возникает ряд вопросов сугубо экономического толка. Во-первых, а откуда возьмутся избыточные блага для потребления, если производство стало в новых условиях неважным, второстепенным? Второе – как быть с существенной социальной дифференциацией, в том числе на глобальном уровне?

Если посмотреть на излагаемые идеи более глубоко, с позиций теории хозяйственных систем, то можно сделать интересный вывод. Авторские взгляды, по сути, это – реанимация советской системы «Госплан+Госснаб», только на новом техническом уровне (можно тщательнее все

подсчитать за счет развития средств обработки информации и коммуникации) и с новым человеком (с основательно «промытыми» посредством СМИ мозгами), т.е. спрос и предложение приближены друг к другу. А наверху – некий аналог советских бюрократов, для которых важно не имущество, а власть как таковая и эксклюзивность впечатлений. И для роста, развития и продвижения нужно одно-единственное – связи, блат (в трактовке шведских авторов – сети, что по сути одно и то же в рассматриваемом контексте) и обладание эксклюзивным знанием (что опять же достигается во многом за счет выгодных знакомств или принадлежности к эксклюзивным сетям, что одно и то же). Что получается: один в один по концепции шведских специалистов «информационное общество», это информационно-технологически модернизированная советская модель экономики. Но советская система не работала.

Мы не будем углубляться в обсуждение причин этого. Они многоплановы и противоречивы. Важен факт – в исторической конкуренции социализм (по крайней мере, его советская модель) проиграл капитализму. Почему же эта модель, без всякой существенной модернизации, работает впредь? Основа авторских предположений – в изменении человека (об этом – ниже), в том числе за счет использования генетических приемов. Люди (массы, консьюмтариат) вырождаются в неких общественных животных. А люди ли это? А куда же денется экономическое мышление и элементы рационализма? А как быть, если новый порядок победит не во всем мире сразу (это, в том числе, разрушило и СССР)? Эти все вопросы не имеют ответов, даже на уровне замысла, идеи, концепции, соответственно, и авторские рассуждения, в этой связи вызывают большое сомнение.

Высказанное выше нами мнение относительно формирования «нового человека» в главе 7 «Новая эра в биологии и этика нетократов» находит подтверждение. Если при капитализме основой мировоззрения была физика (первоначально – Ньютонова), то теперь «царицей наук» становится биология, в том числе основанная на информационных методах геновая инженерия. «... На смену гуманизму приходит трансгуманизм». В результате и появляется предпосылка для выращивания «новых людей». Пугающее будущее. Этаким мрачный футуризм. Но отставим в сторону эмоции. В основе наших рассуждений – попытка строго научного экономического анализа.

Остается вопрос экономической целесообразности изображенного авторами несветлого (для большинства человечества) будущего. Если это будет так, как предсказывают авторы, то зачем нетократам тратить огромные ресурсы на выведение новой породы человечества – консьюмтариата, если теми же методами геновой инженерии, помноженными на PR-возможности современных СМИ (в этом ряду, например, пропаганда бездетных однополых браков, гомосексуальных моделей поведения, блокирующих воспроизводство человека, и пр.) можно просто ограничить размножение для контроля численности населения. Тогда больше эмоций, материальных благ и ресурсов останется для себя?! Можно согласиться, что «в информационной парадигме ... разделение культуры и природы выглядит устаревшим. Культура – это новая версия природы: Природа, 2.0», но результаты этой трансформации, с позиций экономического анализа нам представляются совсем не такими, как у авторов.

Глава 8 имеет название «Конвульсии коллективизма, смерть человека и виртуальный субъект». В ней обсуждаются процессы изменения индивидуального и коллективного сознания под влиянием информатизации. В современный период нарастает атомизация социальных явлений. Авторы анализируют ее по двум направлениям: (1) ослабление власти национальных государств под влиянием роста мобильности субъектов, перехода их под удобную юрисдикцию, что имеет, в том числе и экономическую подоплеку; (2) распад традиционной семьи, что опять же увязывается с экономическими причинами, связанными с выравниванием возможностей мужчин и женщин участвовать в экономических процессах, а также социальной поддержкой капиталистических правительств. Важно подчеркнуть, что в обоих случаях в основе социальной атомизации (следствием чего, логическим завершением процесса, является атомизация индивида) лежит экономический фактор. При этом среди двух тенденций (к централизации экономической власти и к ее распылению) сегодня побеждает, по мнению авторов, вторая.

Глава 9 имеет звучное наименование – «Властные иерархии эпохи аттенционализма – сетевые пирамиды». Она посвящена попыткам анализа политического устройства нового общества. Несмотря на пропаганду сетей, которая пронизывает всю книгу, авторы не могут отказаться от иерархического принципа организации, который, как известно, определяется не столько субъективными желаниями управленцев, сколько особенностями нейрофизиологии человека.

Анализ начинается с посылы: «Одним из фундаментальных понятий при обсуждении информационных сетей является прозрачность: Сеть – полупрозрачная и просвечивающая система, а следовательно, демократична и предоставляет равные возможности. Принцип прозрачности проявляется в том, что все участники Сети имеют доступ ко всей необходимой информации и в любой момент могут внести свой вклад». Но при этом прозрачна она лишь для ее участников, круг которых

подбирается управленцами: «Чтобы сеть могла функционировать в соответствии с жесткими требованиями эффективности, существующими на рынке кураторов, каждый, кто не привносит в ее работу какой-либо ценности или воспринимается как угроза общим интересам членов сети, неминуемо подлежит удалению из нее. Каждая сеть, которая стремится быть мало-мальски привлекательной и успешной, вынуждена производить тщательный отбор своих будущих участников».

Другими словами – прозрачность сети – не более чем иллюзия. Ее нет и не может быть, т.к. это неэффективно с позиций управления. В результате: «Открытые сети, появившиеся в результате быстрого развития интернета, либо будут преобразованы в закрытые сообщества, либо обветшают и станут своего рода мусорными коллекторами бесполезной информации. В закрытых сетях участники будут отбираться кураторами этих сетей, виртуальными привратниками. Вокруг таких сетей будут возведены высокие и толстые стены, чтобы защитить их и от нежелательного взгляда, и от несанкционированного входа».

Далее авторы, сами не замечая этого, попадают в логический парадокс: «Чем более привлекательна будет сеть, тем больше людей будут стремиться стать ее членами; чем более высокое положение эта сеть будет стремиться занять, тем неприступнее станут окружающие ее стены и жестче правила приема». Но принципиальный момент для закрытых сетей – отсутствие информации у массы потенциальных участников не только об их предназначении, но и о самом факте наличия. Сети высшего уровня в представлении шведских авторов предстают таким нагромождением тайных обществ (нагромождением, а не иерархией, так как иерархия подразумевает наличие вертикальных связей, которые невозможно выстроить между субъектами, тщательно скрывающими сам факт своего существования). Говорить об эффективности такой формы организации затруднительно. Это не предмет научного анализа. С научных позиций это неэффективно. Следовательно, взгляды авторов на властную иерархию в информационном обществе нельзя признать убедительными. Они требуют более строгого обоснования и дальнейшего развития.

Противоречивы и высказываемые в этой главе взгляды на такую ключевую для экономической науки и практики категорию как деньги. Авторы говорят об их вторичности, подчеркивая ценность знания, контакта, влияния: «При перепроизводстве информации в дефиците внимание... Метаинформация – сведения о том, как наиболее эффективно связать разнородную информацию – сама по себе есть самая ценная ее разновидность... Продажа первоклассной информации на публичных торгах тому, кто предложил наибольшую цену, со временем станет маловероятной по ряду причин. Когда транзакция становится публичной, эксклюзивность информации снижается, а риск ее дорогостоящей утечки из сети – победителя торгов настолько велик (поскольку внимание дороже денег), что информация, так или иначе, найдет дорогу к сети наивысшего уровня». Но это справедливо и для современной экономики. Вывод, что «во властной структуре информационного общества деньги имеют подчиненное положение» тоже неоригинален.

И сегодня люди идут в политику (власть), чтобы получить деньги. Первично влияние. Так было и в предыдущие эпохи. Никаких новых черт этим анализом (власть/деньги) авторы не открыли. Тем более, что среди традиционных инструментов капиталистической власти присутствует, в том числе, и включение печатного станка. Далее, авторы сами себя опровергают, заявляя, что «деньги все более приобретают 'цифровую' форму, а движение капитала имеет высокую скорость, и его невозможно регулировать политикам и бюрократам, [это] делает положение низшего класса, лишённого доступа к достоверной информации, еще более плачевным, к выгоде хорошо информированной нетократии, держащей руку на пульсе управления денежными потоками». То есть нетократы всё же нуждаются в деньгах, если пытаются их контролировать?

Какова же сверхидея, сверхценность новой общности? «... Сеть заменит человека в качестве великую общественную проекцию. Кураторская сеть заменит государство в его роли верховной власти и верховного провидца. Сетикет заменит собой закон и порядок по мере того, как основные виды человеческой деятельности все больше переместятся в виртуальный мир, одновременно авторитет и влияние государства сойдут на нет в силу сокращения налоговых поступлений и национальных границ. Кураторы примут на себя функцию государства по контролю за соблюдением норм морали, исключая нарушителей сетикета из привлекательных сетей». «...кураторы установят собственные мощные мета-сети для решения вопросов сетевой политики. Заметим, что куратор выступает и в роли полицейского, а также обвинителя и судьи, а в постоянно меняющейся сетевой системе невозможно создать формальные законы. Рассмотрение тех или иных вопросов внутри сетей высших уровней будет защищено от посторонних взглядов, не нуждаясь ни в демократических принципах, ни в общепринятых традициях принятия решений».

Таким образом, взгляд на будущее у авторов печален – это технократическая диктатура. Мы с этим не согласны, т.к. считаем, что средневековые идеи Прогресса себя не исчерпали. Но эти

рассуждения из сферы философско-этического анализа, зачастую вырождающегося на практике в рассуждения по типу верю/неверю, поэтому в научном экономическом анализе мы их опустим.

Десятая глава «*Секс и племенной строй, виртуальное образование и неравенство умов*» посвящена таким составляющим будущего, как «национальное государство, парламентская демократия, нуклеарная семья и система образования». Критика, основанная на неэффективности деятельности при неопределенности географических границ, государства была приведены в предыдущих главах. Вывод – кризис традиционного государства будет нарастать.

«По приблизительной оценке, буржуазной демократии не больше двухсот лет, однако миф о 'вечности' и 'незыблемости' демократических устоев оказался весьма эффективным и привлекательным. Этот миф поддерживался еще и тем, что буржуазная демократия — тенденция своего времени — оказалась невероятно успешной в деле невероятного подъема благосостояния общества. В легкой горячке конца капиталистической эры буржуазная демократия, в особенности после патетического краха коммунизма в Восточной Европе, стала рассматриваться не только как предпосылка, а как гарантия процветания... Если мы обратим критический взор в сторону Азии, то увидим, что едва ли благодаря демократическим добродетелям Сингапур, это постыдно диктаторское однопартийное государство, демонстрирует невероятный экономический рост на протяжении нескольких десятилетий... Но несмотря на это, миф продолжает жить». С этими словами можно согласиться. Но они вытекают не из перехода к новому обществу, а из формальной логики. Форма не должна быть выше содержания, а демократия — одна из форм правления, ее идеализация ненаучна, в том числе и в экономических исследованиях. Тем более в политических, социологических и др.

«Еще один священный общественный институт, который переживает фатальный и широко дебатруемый кризис на пороге информационной эры, — это нуклеарная семья... Истинно традиционная семья ... это экономический союз и проект социализации, связывающий воедино несколько поколений». Здесь обнаруживается довольно корректный экономический анализ семьи, перекликающийся с идеями марксизма. И опять же, кризис семьи, с которым можно согласиться (с фактом его наличия) не связан с переходом к информационному обществу, он вытекает из внутренней логики эволюции капитализма. При этом функция воспроизводства осуществляется в новых формах. Как указывалось выше — через биологические лаборатории.

«...Еще одним общественным институтом, находящимся в состоянии жестокого кризиса, является система общественного образования». «Школы стали инструментом отбора в ряды капиталистической меритократии и успешно функционировали в таком качестве до тех пор, пока рынок труда предъявлял более или менее стандартные требования к компетенции работников для последующего карьерного роста, другими словами, до тех пор, пока сохранялась четкая связь между образованием и трудовой деятельностью. Но с наступлением информационного общества буржуазное понятие 'карьеры' утратило смысл, что неминуемо означало кризис системы образования. Информационный рынок труда имеет совершенно новую структуру. Трудоустройство перестало быть пожизненным, и стаж работы не имеет уже первостепенного значения. Бизнес-организации становятся все менее жесткими и все больше концентрируются на краткосрочных проектах, для которых каждый раз требуются люди с определенными навыками. Такие временные образования создаются лишь для того, чтобы распасться после завершения проекта. Образование не может быть законченной главой, оно должно постоянно обновляться. Каждая новая задача возникает в принципиально отличных от прежних условиях, что каждый раз требует новых знаний. Неизбежное следствие: любой диплом, сертификат или звание практически бесполезны на следующий день после их получения. Это в свою очередь означает, что школы утрачивают большую часть своих ролей, кроме обучения письму и места для социального тренинга». Эти тенденции в сфере образования действительно имеют место. Они вытекают из логики социально-экономического анализа, и мы с ними солидарны.

Последняя, 11 глава книги «*За крепостной стеной — гражданская война нетократов и виртуальные революционеры*» посвящена обсуждению вопросов смены властных группировок и социальных лифтов информационного общества. Здесь, несмотря на отсутствие экономической подоплеки, на наш взгляд, нет принципиально новых положений. Так, авторы пишут, что «всякий и каждый, у кого достанет таланта и инициативности, чтобы представлять угрозу, будет автоматически продвигаться на более привилегированные позиции в сетевой иерархии и становиться частью элиты». Но так было в любой устойчивой политической системе. Даже при монархиях и родоплеменном строе.

При этом характерно пренебрежение к низшим классам: «Движение протеста консьюмтариата будет страдать от хронической нехватки лидеров — поскольку все потенциальные таланты постоянно поглощаются нетократией — и отсутствия идеологической изоциренности. Коллективное мышление консьюмтариата будет противоречиво, его действия — спорадическими и импуль-

сивными. Социальный протест будет слепым. Потребителям-мятежникам будет недоставать организованности и дисциплины рабочих движений прошлого, а равно и долгосрочной цели. Не будет стремления объединить консьюмтариат вокруг общей цели, будь то внутри или вне системы, и не будет веры в организованную революцию или ревизионизм, то есть пойдет постепенная нетократизация консьюмтариата через политическую борьбу и упорный труд». То есть низший класс – идеал для высшего. Этакое быдло, способное только работать и удовлетворять прихоти элиты. Эти положения не отличаются научностью. Этакие мечты эксплуататоров о народе.

По мнению авторов, реальный протест уйдет в виртуальный мир (а работать-то и страдать, в том числе физически, люди будут в реальном!): «Стремление дистанцироваться от реальности, создать параллельный мир, выглядит вполне естественным для членов все более медиализируемого общества, в котором границы между реальностью, столь хорошо охранявшейся при капитализме, и вымыслом, распространяемым СМИ, становятся все менее различимыми, да и ненужными. Новости – это развлечение, направленное и преподносимое согласно эстетике развлекательного жанра... В экономике, где развлечению есть главная ценность, брэнды наделяют товары заведомо фиктивными, но оттого не менее влиятельными 'личностными' качествами, Жизненный стиль заменяет саму жизнь. И все это только усиливается тем, что нетократия осознанно поворачивается спиной к 'реальности', находя убежище в своих виртуальных племенах».

Выводы. Таким образом, изучив материалы книги шведских авторов, попытавшись с позиций сугубо экономических проанализировать их идеи, мы пришли к некоторым выводам, которые могут быть полезны при разработке теоретических концепций информационного общества, в части объяснения его экономических механизмов.

1. Авторами выполнен комплексный анализ, который, к сожалению, в большей степени основан не на научном эмпирическом методе, предполагающем набор фактов и их последующую интерпретацию, а на развернутом изложении субъективных представлений авторов о тенденциях перехода к информационному обществу. Это придает эмоциональную окраску выводам и рассуждениям, но к сожалению не добавляет им научности, а значит – достоверности.

2. Анализ основан на изучении теоретических взглядов и реалий практики социально-экономического и технологического развития группы развитых стран мира. То, что этот «золотой миллиард» – лишь меньшая часть глобального общества, авторы в расчет не принимают. Поэтому многие центр-периферические проблемы ускользают от их внимания, делая выводы поверхностными и нефундаментальными. Это – скорее зарисовка будущего западного общества, при условии консервации современной системы центр-периферических связей, основанных на «глобализации», построенной на модели «глобального лидерства» группы развитых стран во главе с США. Но посткризисные изменения в «третьем мире» ставят под вопрос корректность такого рода прогнозов [11, с. 12-16].

3. Книга выражает верную, по нашему мнению, идею эволюционности хозяйственного и социального развития. Авторы доказывают, что рыночная экономика и сопутствующая ей (как правило, но далеко не всегда – они это подчеркивают) система политической власти на основе выборной демократии – лишь исторически преходящий этап в развитии социума. Это позволяет сделать ряд важных выводов для современной России и других стран, формирующих альтернативные системы хозяйствования, о приемлемости и желательности такого рода институциональных экспериментов, которые могут привести к глобальному успеху.

4. Ключевой категорией исследования является «сеть», но четкого его определения авторы не дают. Оно противоречиво, расплывчато, описательно. Конечно, и в других существующих источниках (см., например, [13]) авторы всякий раз вкладывают в понятие «сеть» несколько отличающийся смысл. Но всё же в рамках одного исследования этот смысл не изменяется. У шведских же авторов «сеть», в ряде случаев, – это электронная система коммуникаций, а в ряде – система взаимосвязей между людьми. Но в чем их существо, в чем качественное отличие этих взаимосвязей от «несети»? Каков характер этих взаимосвязей? Эти и многие другие вопросы остаются непроясненными. Мало того, о влиянии сетей в авторской трактовке хорошо известно из нашего недавнего прошлого (об этом шла речь в статье выше), когда многие блага можно было приобрести лишь «по благу». Значение этого фактора в условиях товарного дефицита было решающим. Но это вовсе не означает, по нашему мнению, что в СССР была информационная экономика.

5. Книга представляет собой интересный анализ современных тенденций развития западного общества в условиях его всеобъемлющей информатизации. При этом авторы используют комплексный инструментальный исследовательский, междисциплинарный подход, основанный на использовании методов социальных наук. Это делает их выводы в ряде случаев, с позиций экономической науки, недостаточно проработанными. Книге в целом недостает научной основы, хотя цель популяризации собственных взглядов достигается.

6. Ряд выводов книги, отраженных в статье, может использоваться в научных разработках и учебном процессе, при проведении занятий со студентами вузов по экономической теории. Неоторые – любопытны как точка зрения на трансформационные процессы в современной экономике. В любом случае, прочтение книги расширяет кругозор и позволяет получить альтернативную точку зрения неэкономистов на некоторые аспекты функционирования «новой экономики».

Литература

1. Белл, Д. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М.: Свободная мысль / Д. Белл, В.Л. Иноземцев, 2007. 303 с.
2. Вальтух, К.К. Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики. М.: Янус-К, 2001. 896 с.
3. Machlup F. The Economics of Information and Human Capital. Princeton University Press, 1984. 644 p.
4. Государство и рынок: механизмы и методы регулирования в условиях перехода к инновационному развитию: колл. монография в 2-х тт. / Под ред. С.А. Дятлова, Д.Ю. Миропольского, В.А. Плотникова. СПб.: «Астерион», 2010. Т. 1. 394 с.
5. Государство и рынок: новое качество взаимодействия в информационно-сетевой экономике: в 2 т. / Под ред. С.А. Дятлова, Д.Ю. Миропольского, В.А. Плотникова. СПб.: Астерион, 2007.
6. Плотников, В.А. Социальные закономерности и модель экономического развития России. СПб.: «Лема», 2011. 80 с.
7. Зусев, Г.Ю. Трансформация условий и инструментов формирования человеческого капитала в информационном обществе: дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 2012.
8. Никифоров, В.В. Социально-экономическая модель рыночного хозяйства и перспективы ее формирования в России: дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 2009.
9. Бард, А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист.- СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
10. Основы теоретической экономики / Под ред. Д. Ю. Миропольского. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008. 509 с.
11. Плотников, В.А. Изменения глобальных институтов управления под влиянием национальных экономических интересов (по материалам XII Петербургского международного экономического форума) // Экономика и управление. 2008. № 3. С. 7-9.
12. Плотников, В.А. Глобальные проблемы социально-экономического развития и нейтрализации рисков экономической безопасности периода экономического кризиса // Экономика и управление. 2009. № 3.6. С. 12-16.
13. Павлов, А.Г. Изменение стоимости интеллектуального капитала, созданного в сети интернет, как показатель повышения эффективности // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2007. № 3. С. 119-123.
14. Дзюменко, И.Н. Лояльность партнеров как фактор устойчивости рыночной сети // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2007. № 4. С. 133-136.
15. Романовский, М.В. Институциональное обеспечение инновационного развития России / М.В. Романовский, Т.А. Верхотурова // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 1. С. 21-31.
16. Багиев, Г.Л. Маркетинг взаимодействия: измерение и оценка качества маркетингового обеспечения бизнес-коммуникаций // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 4. С. 103-114.

SOCIETY

V. A. PLOTNIKOV

*Southwest
State University, Kursk*

*e-mail:
plotnikov_2000@mail.ru*

Modern system crisis of capitalist (market) model of managing can lead to serious shifts in the direction of further transformation of dominating theoretical economic model, activation of transients to new, information economy. In article, on the basis of the economic analysis of provisions of the monograph of the Bard And. and Zoderkvista Ya. «Нетократия. The new ruling elite and life after capitalism», is offered author's vision of perspective mechanisms of formation and development of economy of information society. Having studied materials of the book of the Swedish authors, having tried especially economic to analyse from positions their ideas, the author came to some conclusions which can be useful when developing theoretical concepts of information society, regarding an explanation of its economic mechanisms.

Keywords: Information society, post-industrial society, knowledge economy, the transformation of the economic model, mass communications, innovative economy.